

— Жить здесь? — переспросил Цзи Цин. — Брат Чэнь, я не могу здесь оставаться, дома у меня мама, ей нужен уход.

— Если ты не будешь жить здесь, как я смогу гарантировать, что ты каждый день пьешь этот напиток? Твоя мать погрязла в огромных долгах, и ты должен понимать: у меня есть способы сделать так, чтобы она сгнила в тюрьме. А если ты будешь жить у меня, я сам позабочусь о том, чтобы у нее всё было в порядке. Держи!

Чу Мочэнь силой вложил стакан с соком в руку Цзи Цина.

— Мне нужно объяснять, что делать дальше?

Цзи Цин взял стакан, но его рука заметно дрожала. В конце концов, это был яд, и мало кто смог бы выпить его, не дрогнув. Когда-то, сидя в тюрьме, он бесчисленное количество раз думал о смерти, но никак не ожидал, что после выхода на свободу так отчаянно захочет жить.

— Брат Чэнь, сколько... сколько у меня осталось времени?

— Месяц, — равнодушно ответил Чу Мочэнь. — Так что, если у тебя есть какие-то дела, лучше заверши их заранее.

— Понятно... — тихо отозвался Цзи Цин и залпом выпил содержимое стакана.

И правда, очень сладко. Впрочем, как и у ядовитых духов: чем слаще аромат, тем вероятнее, что в конце концов он погубит человека.

— Я всё выпил.

— Хорошо! — Чу Мочэнь удовлетворенно кивнул. — Я приставил к тебе человека, который будет присматривать за тобой. Если возникнет необходимость, обращай к нему.

С этими словами он позвал Лан Юя. Тот был рослым, крепким мужчиной и слыл правой рукой Чу Мочэня. Доверив ему присмотр за Цзи Цином, Чу Мочэнь ясно дал понять, насколько высоко ценит своего помощника.

— Лан Юй, я передаю тебе Цзи Цина. Смотри, чтобы он ни на шаг не отходил от тебя. Иначе сам знаешь, что будет.

— Слушаюсь! Господин Чу, не беспокойтесь, я приложу все усилия.

Лан Юй? Хотя имя было не слишком знакомым, самого человека Цзи Цин помнил прекрасно.

Он вспомнил вечер накануне своего ареста, когда мать Чу Мочэня, Шан Инхуань, в окружении людей из клана Чу загнала его в тупик на углу улицы.

Пять лет назад он и Чу Мочэнь ехали за город. На ночной дороге не было фонарей, и когда Чу Мочэнь увидел впереди пешеходов, было уже поздно пытаться резко свернуть. Чтобы не сбить людей, он направил машину в каменную стену. Сам Чу Мочэнь получил травму головы, пешеходы отделались серьезными ссадинами, а позже врачи диагностировали у него потерю способности к деторождению из-за полученной травмы. Один лишь Цзи Цин не пострадал: он знал, что в тот момент Чу Мочэнь инстинктивно закрыл его собой.

Мать Чу Мочэня приходила в ярость от одной мысли об этом. Она никогда не любила Цзи Цина.

— Так это ты, паршивец, соблазнил моего сына? Слышала, ты еще в университете учишься? Неужели не нашлось дела получше, чем заниматься такими постыдными вещами? Лан Юй, для начала хорошенько его избей!

Человек по имени Лан Юй возглавил расправу, и Цзи Цина жестоко избили. Затем его поволокли в темную комнату. В суматохе с его одежды сорвало несколько пуговиц, и на груди неожиданно обнажилась татуировка. Это было имя Чу Мочэня, которое тот набил ему собственноручно, шутливо заметив: даже если кто-то из них однажды пропадет, они всегда смогут найти друг друга.

Однако в глазах Шан Инхуань это было величайшим позором.

— Нынешняя молодежь совсем берега попутала! Каждый норовит пробраться в мой дом! Даже не посмотрят, что из себя представляют! Лан Юй, возьми нож и вырежь мне эту татуировку! Вид ее вызывает у меня отвращение.

Цзи Цин отчаянно прикрыл татуировку руками.

— Тетушка, это всего лишь рисунок. К тому же, его сделал брат Чэнь. Вам не кажется, что сейчас важнее навестить вашего сына?

— Ха... смешно. Кто ты такой, чтобы указывать мне, когда навещать сына? Если бы не ты, этот паршивец, мой сын не попал бы в аварию! Лан Юй, действуй!

В тот день татуировку с груди Цзи Цина вырезали по живому.